

4.9.95.

Мишулин Спартак

Моск. новости. Востр. веп. - 1995 - 4-Искр. - С. 5

СПАРТАК МИШУЛИН: ПО-ПРЕЖНЕМУ В МЕРУ УПИТАННЫЙ И В САМОМ РАСЦВЕТЕ СИЛ!

На стенах в его грим-уборной висят подаренные ему рисунки и афиши с автографами... зрителей: "Спасибо, дядя Карлсон". И подписи: Саша, Алена, Андрей... Столько им сейчас? Кому-то уже за 30, а кому-то нет и десяти.

- Спартак Васильевич, в сентябре у вас откроется новый театральный сезон, какой по счету?

- Раз, два, три... Сорок восьмой.

- А у Карлсона?

- Двадцать восемь лет уже идет. Скоро будет 1600-й спектакль. Я вот думаю, хорошо бы и 2000-й сыграть.

- За это время хоть один раз спектакль шел без вас?

- В основном, конечно, я сам играю. Но в каникулы каждый день по два спектакля, так работать невозможно, и последние годы у меня есть замена. А в самом начале репетировал не я, меня пригласили режиссером. Но за 18 дней до премьеры оказалось, что у артиста что-то не получается, и Плучек дал эту роль мне. Тогда как раз вышла книжка и мультфильм, по ним я и представлял себе этого толстого человечка, по рисункам костюм придумывал. Сначала я, честно говоря, испугался: вот так сразу ринуться... Но, говорят, получилось. Дети сворать не дадут.

- Когда вы впервые прочитали эту вещь, вам понравился главный герой?

- Карлсон может быть разным. В нем собраны все черты, свойственные детям. Дети бывают и добрыми, и злыми, и капризными, и смешливыми. Мы решили "выбросить" лишь одну черту: злость. И, по-моему, правильно сделали. Наш Карлсон - это такой летающий комок добра. Ему люди верят. Там есть слова: "Люди, взрослые, вечно занятые взрослые, вспомните, у вас у всех был такой же колокольчик! Вы слышите нас? Откройте окна настежь, чтобы я мог влететь к каждому из вас, звоните, и звоните, и звоните!" И я знаю, многие открывали окна и ждали этого чуда.

- На этот спектакль взрослые ходят?

- Сейчас стали меньше ходить. Иногда в фойе сидят, в буфете, ждут, а в зал почему-то не ходят. А сначала смотрели с удовольствием, даже плакали. Дело в том, что детство нашего поколения, поколения наших родителей проходило в войнах. Карлсон для этих людей - несбывшаяся мечта. "Самый лучший в мире Карлсон - это тот Карлсон, который живет на крыше, правда, многие называют его детством. Просто детство, и все". Тема несостоявшегося детства очень волновала взрослых. А потом ее пришлось убрать, потому что ребенку она не понятна.

- Как вы думаете, дети сейчас стали дру-

гими, чем были, скажем, двадцать лет назад?

- Нет. От театра дети всегда ждут чуда, им необходимо, чтобы на сцене происходило действие. Меня как-то спросили: "Не слишком ли суетливый вы Карлсон?" Я говорю: "А у вас дети есть?" - "Дочка, - отвечают, - 22 года". - "Ну так заведите маленьких, тогда поймете". Есть такая байка. В течение трех часов на пленку снимали все, что делал малыш. А потом позвали мастера спорта, стали ему это показывать и попросили повторять все движения. Через 15 минут он уже задыхался, обессилел.

Рядом с ребенком должен быть взрослый друг. Именно хороший друг, а не наставник с кондуитом. Тогда ребенок верит в себя, в свои возможности, становится личностью. Вот как с моей дочкой. Ей 16 лет, первый раз пришла в театр в два года, в четыре играла с Папановым "Бег". Потом - "Роковая ошибка", "Бочка меда", потом в Театр Станиславского ее взяли, сейчас - не в спектакле, правда, в концертных выступлениях - со мной Малыша играет. Так вот, училась она в одной школе, где детей совершенно не развивали как личности. Называли дурами, педагогами. И она на сцене стала зажатой. Что случилось? "Я, - говорит, - боюсь, что меня назовут душой". Перевели в другую школу, и все стало нормально. Там они личности. Над ними не смеются, их слушают.

- Бывала ли в зале реакция, которой вы совсем не ожидали?

- Да. Один мужчина встал и заорал, что

все неправда, что "нету Карлсонов". Зал на него обрушился. А в свое время, когда вышел спектакль, в газетах целая дискуссия развернулась. Многие писали, что права Фрекен Бок, что детей бить надо, наказывать. Мол, педагогически неверно Карлсон действует. Это тогда же было, когда футболистов осуждали за то, что носят иностранные майки, а не наши, отечественные. Ну, потом разобрались, поняли, что ребенок, как цветочек, его поливать нужно, чтобы он распустился.

- Вас дети на улице узнают?

- Да, слава Богу. Это очень приятно. Иногда стесняются, иногда подходят, чтобы пощупать, потрогать. Я стараюсь теперь при детях в гриме, в костюме оставаться. Потому что однажды при ребенке снял парик и этим растеребил ему душу. Раскрыл тайну, ненастоящим оказался.

- Вам не хотелось когда-нибудь перестать играть Карлсона?

- Нет, ну как можно! От детей такая отдача! Они наивные, верят в моего Карлсона. Это же не взрослые, которые деньги отдали и смотрят: ну что ты им такое покажешь. И вообще, это моя беда, я люблю играть. Театр - это тот дом, без которого я не могу обойтись. Некоторые актеры говорят, что им не хочется играть, надоело - я им не верю. И, в отличие от многих артистов, я хочу, чтобы моя дочь тоже играла в театре.

- У вас была в детстве любимая книжка?

- Я вырос на сказках Андерсена. Но вот "Белоснежка и семь гномов" мне понравилась только после спектакля, когда я был уже взрослым. Я, наверное, сценическое решение все-таки лучше воспринимаю. У меня в детстве книг почти не было, и жил я в таких местах, где и о библиотеках-то не слышали. Было радио, по которому передавали сказки. Но у нас тогда жизнь взрослая была, не до сказок.

- Расскажите, пожалуйста, о ваших последних работах?

- Трудно сказать. Мне что-то Плучек последнее время не дает ролей. Может, обиделся на что-то, не знаю. Он за молодежь взялся, его можно понять, нужно смелу вырастить. Но, наверное, можно и такие пьесы ставить, где играли бы и актеры, которые отдали жизнь этому театру.

Наталья ТЕБЕЛЕВА
Фото Кирилла КАЛЛИНИКОВА